

Валерия Жо Макарова

ИОН



Валерия Макарова

ИОН

«Издательские решения»

2014

Макарова В.

ИОН / В. Макарова — «Издательские решения», 2014

Далекое будущее. Человечество перенесло восстание машин и гибель нескольких материков. На Земле существует лишь одно государство – Империя Объединенных Наций. Новая страна, новый строй? Общество разделилось на две категории – свободные граждане и рейбы (рабы, попавшие в экономическую зависимость либо от государства, либо от свободных граждан). Смогут ли герои преодолеть социальное непонимание и победить извращенные устои нового общества?

Содержание

Бона	5
Терен	8
Бона II	15
Терен II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерия Ко Макарова

ИОН

Бона

«20» мая 4325 г.

Я, рейб, идентификационный номер *S 73–13* прошу утвердить следующую последовательность элементов *2p-4g-3k-7p-2g-5k (a)-3g-2p* . Для использования во внутризачетном выступлении.

Данные изменения согласованы с тренером, свободным гражданином, *Драйзер Вивианой*

УТВЕРЖДАЮ

Директор филиала №4

Президентской школы верховой езды,

гимнастики и конных игр,

Коробейникова Олимпиада.

На всякий случай, я еще раз просматриваю заветную запись, чтобы убедиться в том, что все оформлено верно. Теперь я могу спокойно накатывать свою программу, не опасаясь дальнейших изменений. Со сдачей документов я опоздала, поэтому мне приходится нести этот лист в архив самостоятельно.

Я захожу в отдел кадров, и мне выдают мое досье.

На первой странице значится вся доступная на меня информация:

Тип гражданства: *рейб*

Тип рейбства: *государственный*

Подтип: *спорт*

Идентификационный номер: *S 73–13*

Имя: *Бона*

Возраст: *18*

Пропорции: рост – *176 см*, вес – *53 кг*

Основные характеристики: *Большая мощность прыжка, устойчивая работа вестибулярного аппарата, гибкость, податливость в работе, хорошая память.*

Пороки: *излишняя широта мышления, богатая фантазия, активная генерация идей, подозрение на свободомыслие.*

Проблемы и недостатки в работе: *Никаких серьезных проблем и отклонений не выявлено.*

Тут же и две моих фотографии – анфас и профиль. Ничего особенно выдающегося – довольно длинные густые волосы ярко-голубого цвета, живые лиловые глаза, простые черты лица, волосы на висках выбриты, также как и у других рейбов, так что отчетливо видно номер *S73–13*, выполненный голубым цветом. Татуировка на моем лице тоже голубая – затейливый орнамент из переплетающихся стеблей каких-то растений, проходящий практически через всю правую половину моего лица. Кроме этих трех у меня есть еще одна – широкая полоса, проходящая через середину нижней губы. Эти татуировки нам делают в Координационном центре, куда попадают все рейбы на третьем месяце своей жизни. Там нам присваивают идентификационные номера, наносят наколки (номер и «украшение», которые никогда не повторяются), а затем проводят сканирование и анализ перспектив физического и умственного развития. По итогам этого обследования нас распределяют по тем категориям, где государство

сможет использовать нас эффективнее всего – тяжелая и легкая промышленность, банковская система, сервис, спорт, развлечения, инженерия, строительство и т. д.

После этой анкеты в досье собраны документы, утверждающие схемы всех моих езд, наградные грамоты с соревнований и записки с жалобами от преподавателей вместе с оценками текущей успеваемости.

Я аккуратно подкалываю бумажку к остальным и сдаю свои документы обратно. Этот постоянный круговорот документов мне никогда не нравился. Занимает целую кучу времени – составление, оформление, подписание, хранение. Столько всего ради одного единственного выступления. Я, конечно, понимаю, что все это отслеживается для того, чтобы нас удобнее было анализировать перед торгами, но все равно каждый раз думаю о том, что можно было бы обойтись и без всего этого.

Сегодня короткий день и у меня еще есть время для того, чтобы повторить основные вехи современной истории перед общим отбоем. Завтра у меня промежуточный экзамен. Для большинства гимнасток он не значит почти ничего, но не для меня. Если я успешно сдам его, то получу возможность еще полгода свободно пользоваться глобальной библиотекой. Информация не достается рейбам просто так, мы должны заслужить право на обладание знаниями, которые находятся в свободном доступе для остальных граждан.

Для того, чтобы добраться до своего дортуара мне приходится идти практически через весь спортивный центр. Я живу в крыле, отведенном для верховых гимнасток. Это огромный комплекс из спален, столовой, спортивных залов, всевозможных тренажеров и конюшен. Помимо нас в центре живут спортсмены, которые занимаются гладкими скачками, бегами и классическими видами конного спорта – конкурром, выездкой, троеборьем. Наши лошади для верховой гимнастики тоже занимаются конкурром и выездкой, но нам никогда не достичь уровня этих профессионалов. Все здешние спортсмены – рейбы. Мы принадлежим государству, в частности этой спортивной школе. Наша задача – выступать перед свободными гражданами, обеспечивая их развлечениями и верой в силу ИОН – Империи Объединенных Наций.

Вместо того чтобы идти прямо в дортуар, я заглядываю в небольшую комнату для теоретических занятий. Тут никого нет, так что я решаю обосноваться за одним из столов. В тишине можно спокойно повторить все, что мне нужно.

На протяжении всего своего существования человечество развивалось и стремилось к созданию все более сложных устройств, а также и искусственного разума. В 2854 году группе ученых из Японии удалось сделать это. На свет появился настоящий искусственный разум. Новый дроид мог получать знания, обмениваться информацией с людьми и принимать самостоятельные решения. Уже в 2860 году было запущено массовое производство дроидов с искусственным разумом. Постепенно эти новые машины прочно вошли в повседневную жизнь каждого человека. Человечество было в восторге от новой думающей игрушки вплоть до 3112 года. Люди не учли того, что искусственный разум способен не просто развиваться и принимать самостоятельные решения, но и действовать сообща. 26 февраля 3112 года в крупнейших городах Земли вспыхнули восстания дроидов, которые объявили своей целью захват планеты и полное истребление человеческих особей, объясняя это тем, что люди представляют собой слишком большую опасность для окружающей среды и природного баланса. Война длилась больше пяти лет. За это время население Земли сократилось в восемь раз. Нами было принято решение раз и навсегда покончить с этими умными машинами. Военное руководство ведущих держав Земли – России, США и Китая разработало план уничтожения дроидов – Американо-Австралийский котел. Почти полгода потребовалось на то, чтобы провести как можно более незаметную эвакуацию населения Австралии и обеих Америк на Евразийский континент. В результате масштабных ракетных ударов была уничтожена основная масса дроидов, а вместе с ними под воду ушли Северная и Южная Америки, Австралия, Океания и Японские острова вместе с Курилами и Камчаткой. География земли была изменена раз и навсегда. Теперь существо-

вало лишь два континента – Евразия и Африка. Вместе с потерей суши мы потеряли и привычное политическое устройство. Ведущие державы решили объединиться в одно огромное государство, поглотив тем самым все страны, которые существовали на Земле. Новое политическое объединение получило название Империя Объединенных Наций или ИОН. Именно с 1 марта 3118 года начинается существование нашего государства. После победы над дроидами человечество занялось наиболее очевидными проблемами – голод, болезни, практически полное отсутствие сообщения и коммуникаций. Постепенно мы начали возвращаться к привычной жизни. Центром нового государства был выбран один из городов сибирской части России, наименее пострадавший в войне и располагающийся в относительном центре земли. Со временем он получил новое название – Гигаполис. В 3201 году в ИОН была введена новая система экономической помощи бедным слоям населения, названная рейбством. Человек, принимающий статус рейба формально переходил в собственность государства или частных лиц. Он прекращал выплату всевозможных налоговых сборов, все его расходы оплачивались его хозяевами при условии полного подчинения и выполнения всех требуемых работ. Чисто теоретически рейб может выкупить себя обратно, но на практике это почти невозможно. Раз вступив в рейбство ты втягиваешь себя во все новые и новые долговые обязанности и, в конце концов, тебе приходится передать в рейбство не только себя, но и всю свою семью. Таким образом, общество постепенно разделилось на три прослойки – рейбы, свободные граждане среднего достатка и свободные граждане с достатком выше среднего.

Президент ИОН выбирается раз в семь лет. Право голоса имеют все свободные граждане. За каждого рейба голосует его хозяин. Не трудно догадаться, что официально все государственные рейбы всегда голосуют за нужных людей. Вот уже несколько десятилетий нами правит одна семья – Бэйл. Вениамин Бейл является действующим президентом ИОН, выбранным на второй срок. Он и его семья проживают в первом районе Гигаполиса, там же расположены и все головные офисы госучреждений.

Так что же представляет собой Империя и ее жители в настоящее время? У нас отсутствует разделение по национальному признаку. В результате многолетней ассимиляции у нас появился общий язык, и полностью стерлись межнациональные различия. Мир больше не делится по цвету кожи и разрезу глаз. У нас одна страна и одна культура. Правда, элементы старой жизни все еще не забыты. Они собраны во всемирном заповеднике, который занимает половину Африки. Это огромное здание собрало под своей крышей все те реликвии, что остались от старого мира. Кроме того у нас есть глобальная сеть, связывающая жителей ИОН друг с другом и хранящая все знания землян, накопленные за время их существования. Технологии не стоят на месте. Летающие машины, многоуровневые города, все это – часть нашей реальности. Правда, все намеки на искусственный разум под запретом.

Для взаимодействия с внеземными цивилизациями ИОН была создана База Мира на Марсе и Луне. Туда каждый день летают шаттлы с бизнесменами и переводчиками. На Землю инопланетян не пускают, боятся нарушения природного баланса и незаконного вторжения.

Похоже, что это все, что мне нужно знать на завтрашнем экзамене. Я встаю из-за стола и спешу в наш дортуар, до отбоя у меня есть еще минут двадцать.

Терен

С трудом открываю глаза и в темноте нащупываю свой пусковик. В моей руке оказывается знакомый яйцеобразный кусок металла. Щелчок и на окнах исчезают защитные напыления против солнечного света. Еще щелчок и на одном из окон загорается время. 8 45. Проспал...

Я вскакиваю с постели и, прежде чем устремиться в ванную, бросаю взгляд на город за окном. Там, где-то далеко внизу, один за одним пролетают автолеты. Мегаполис уже не спит, несмотря на то, что большая часть его башен все еще скрывается за утренней дымкой.

Раздвижная дверь беззвучно отходит в сторону и за ней показывается привычное невозмутимое лицо Барта, нашего рейба.

Барту далеко за 60. Высокий и тощий старик, всю свою жизнь он провел в доме нашего семейства Громбольдтов. Давно поседевшие волосы аккуратно зачесаны на правую сторону, на левом гладковыбритом виске отчетливо выделяется номер «G36–75», вытатуированный темно-серым цветом. Тот же темно-серый присутствует и на его лице, испещренном глубокими морщинами, – два иксобразных креста на скулах. Плотные сжатые губы, острый взгляд стального цвета глаз, на тощей старческой шее привычная черная бабочка, безупречный черный костюм классического покроя.

– Вас ждут за столом через 15 минут, сэр, – произнес он скрипучим голосом, делая особый нажим на последнее слово, – чем могу быть полезен?

Я лихорадочно пытаюсь понять – какой сегодня день недели. Барт, видя замешательство на моем лице, сообщает:

– Пятница, сэр. Завтрак со *всей* семьей.

Из моей груди вырывается сдавленный стон – опять эта чертова пятница, а я еще и опаздываю!

– Не волнуйтесь, сэр. Ваш костюм уже готов. Номер пять. Если позволите, я пойду и доложу о вашем скором появлении.

Я спешу высказать свою благодарность:

– Барт, спасибо огромное, я...

– Не стоит благодарностей, сэр. Лучшим подарком для меня станет переход компании в вашу пользу, – я успеваю разглядеть ухмылку на его лице прежде, чем этот сгусток серой невозмутимости скрывается за дверью.

Наскоро умываюсь и причесываюсь. Как и обещал Барт, в моей гардеробной уже висит заранее приготовленный костюм. Классический «Черрути» черного цвета образца 1985-го года. На бегу застегиваю рубашку и пытаюсь справиться с галстуком. Провалив это дело, отбрасываю его в сторону – кто-нибудь из рейбов заберет и приведет его в должный вид...

С разбегу заскакиваю в лифт и нажимаю кнопку с номером «60». Через мгновение двери открываются. По коридору, стены которого обиты панелями из темного дерева, а пол устлан мягким бордовым ковром, я устремляюсь к столовой. У дверей меня уже ждет Барт. Я последний раз одергиваю свой костюм и с невозмутимым видом вхожу в комнату.

Все уже в сборе. Отец сидит во главе стола и бросает на меня грозный взгляд из-под кустистых бровей. Вот он – Гарольд Громбольдт глава одного из самых влиятельных семейств, владелец «Громбольдт Медиа» – мультимедийного монстра, подмявшего под себя большую часть всевозможных каналов видео – и радиопередачи.

Сегодня пятница и по традиции на завтраке собралась вся семья – мои старшие братья Гарри и Хью со своими женами Эдной и Кэрол, старшая сестра Тиффани и ее муж Стэнли и моя младшая сестра Ирдэна. Как и положено, в этот день стол условно разделен на две половины – слева от отца располагаются женщины, справа – мужчины.

Я занимаю отведенное мне место – третье от отца между Хью и Стэнли.

– Полагаю, – отец всем своим видом показывает недовольство, – теперь можем начинать, – он кивает Барту и обращается ко мне, – что-нибудь скажешь, Терен?

– Простите все, – я заглядываю в глаза к каждому из них, желая убедиться в том, что они настроены миролюбиво, – что я заставил вас ждать. Вчера было много работы и сегодня я не смог встать вовремя.

Такое оправдание вполне удовлетворило бы кого угодно, но не Ирдэну. Эта змея всегда пыталась досадить мне. Она изящно передернула хрупкими плечиками, утопающими в шелковой драпировке и заявила:

– Мы все вчера много работали, Терен. И, тем не менее, сумели прийти вовремя. Ты не первый раз опаздываешь в этом месяце.

– Ирдэна... – мать предостерегающе смотрит на нее.

– Ничего, Тэффа, – прерывает ее Гарольд, – пусть продолжает. Она имеет право выказать свое недовольство.

Ирдэна картинно вздыхает и закатывает глаза:

– Просто меня уязвляет подобное отношение к нашим традициям. Это подрывает наши семейные ценности.

– Брось, Ирдэна, – подключается к разговору Стэнли, сорокалетний жизнерадостный толстяк, – Терен опоздал-то всего на две минутки, я уверен, что он нас всех любит и уважает, правда, Терен? – он шутливо ткнул меня локтем.

– Да, конечно. Спасибо, Стэн.

Вопрос исчерпан. Спасибо Стэну, он всегда был на моей стороне. Мне он всегда нравился – безумно любит Тиффани, да и сам ничего. Жаль только, что ему уже сорок. Рядом с двадцативосьмилетней моложавой Тиффани он выглядит старовато. Разница в возрасте у них, конечно большая, но так уж повелось в таких семьях, как наша – старшую дочь отдают замуж за одного из деловых партнеров. Стэну повезло больше остальных.

Пережив небольшую стычку, все почувствовали себя свободнее, и за столом завязался разговор. Хьюстон и Гарри обсуждают с отцом предстоящие деловые встречи, мать негромко переговаривается с Тиффани, Стэнли, отделенный от своей любимицы занимает меня разговорами о погоде, напротив Кэрол и Эдна восхищаются сегодняшним нарядом Ирдэны.

Примерно через час отец встает из-за стола, разрешая нам окончить завтрак. Все тут же разбредаются по своим делам – мать прощается с Тиффани, Эдной, Кэрол, моими братьями и Стэнли. Отец пожимает руки мужчинам, бодро подмигивает мне и уходит куда-то по своим делам. Ирдэна спешит в свои комнаты, я – в свои. Единственное что нас с ней объединяет в этой семье – неприязнь к подобного рода сборищам.

Я захожу к себе в спальню и падаю на кровать. Со стены напротив на меня строго смотрит ритуальная маска. Ценный антиквариат, изготовленный тысячи лет назад.

– Ну тебя... – отмахиваюсь я от маски и щелкаю пусковиком. Передо мной прямо из воздуха появляется белый экран – Doodle Chrome 3011 – самый быстрый способ попасть в интернет.

Проверяю контакты. Фредди просит связаться с ним. Зеваю и нехотя нажимаю на кнопку «вызов». Передо мной появляется голограмма Фредди. Аккуратный пробор, туго затянутый галстук, уже спешит куда-то в своем автолете.

– Привет, Фред.

– Привет, Терен, надеюсь, ты не забыл, что я еду к тебе? – он вопросительно смотрит на мои растрепанные волосы.

– Нет, конечно, нет, – я торопливо приглаживаю волосы, – через сколько ты будешь?

– Десять минут, не больше.

– Отлично, приземляйся прямо у меня.

– Как скажешь, Терен.

Фредди отключается, и я нехотя поднимаюсь с кровати. Захожу в гардеробную и смотрю на себя в огромное зеркало.

Сухое телосложение, длинные руки, широкие ладони, резко очерченные скулы, небольшие чуть раскосые карие глаза и взъерошенные темно-русые волосы. Интересно, не будь у меня столько денег, девчонки все равно толпами бегали бы за мной?

Аккуратно повязываю узкий черный галстук, оправляю манжеты и выхожу в прихожую. Здесь меня уже ждет Фредди. Он – полная противоположность мне. Невысокий, круглолицый и широкий, почти всегда весел и добродушен, светлые волосы разделены на две равные части. Сегодня на нем темно-вишневый костюм, сшитый по последней моде.

Увидев меня, он тут же вскакивает с небольшого диванчика и пожимает мне руку:

– Веселая ночь была, а? – он весело подмигивает мне.

– Хм, ну как всегда, – я не могу не улыбнуться ему в ответ, – дежурный вечер четверга, ты же знаешь.

– Ага, – кивает Фредди, – только, ты бы поосторожнее с ней.

– Да ладно тебе, мы же с Лидией только так, через сеть...

– Так-то оно так, но только, что если ее отец узнает?

– Об этом можешь не беспокоиться, Фредди, скорее Ирдэна признается в чем-то подобном, чем Лидия сообщит своему отцу, что пользуется сетью.

– У нее все совсем так строго? – Фредди удивленно вскидывает брови, – я думал, что твоя семья самая закрытая в этом плане.

– Мы не закрытые, мы просто чтим эти вечные традиции. Сотни традиций, – я невесело улыбаюсь ему и предлагаю пройти в столовую.

Здесь у меня есть все, что нужно – фрукты, питье, сладкое и прочая ерунда.

Мы садимся за барную стойку, и я наливаю нам немного выпивки.

– Куда двинем завтра? – спрашиваю я у Фредди, смакуя первый глоток, – в какой-нибудь ресторан или галерею?

Фредди отводит взгляд в сторону и начинает тереть свой стакан в руке, постукивая кусочками льда о стенки стакана.

– Терен, помнишь, я тебе обещал, что в ближайшее время не пойду на поводу у Триш? Так вот, я пошел...

Я выругался вслух. Фредди воспринял это как сигнал к тому, что ему можно продолжать свою речь:

– В общем, она хочет, чтобы завтра мы сходили на шоу верховых гимнасток.

– Там же одни старики!

– Я знаю, знаю... Но, Триш, она так просила!

– Ладно, ладно, черт с тобой. Потрачу я свой выходной на твое счастье. А кто из девчонок пойдет вместе с Триш?

Фредди вновь начинает усиленно постукивать льдом.

– Ну, вообще-то, я обещал, что с нами пойдет Ирдэна.

– Что?! Издеваешься?! Да она ни за что не согласится!

– Брось, Терен, ты наверняка пойдешь куда-нибудь с ней в ближайшее время по ее делам. Вот и попроси об ответной услуге.

Я тяжело вздыхаю и ставлю свой стакан на стол. Лучше сразу покончить с этим делом. Оставляю Фредди одного и направляюсь в сторону комнат Ирдэны. До ее комнат мне идти дальше всего. Наш небоскреб венчают две башни. В северной живу я, в южной – Ирдэна. Двери лифта открываются, и я оказываюсь в прихожей. Планировка здесь такая же, как у меня, но комнаты все равно выглядят как-то иначе. Повсюду стоят маленькие композиции икебаны, из светильников с затейливыми абажурами льется мягкий свет. Я здесь бываю очень редко,

предпочитаю пользоваться сетью, чтобы связаться с сестрой, впрочем, сеть я предпочитаю и в любых других случаях.

Вхожу в комнату, через которую можно попасть в спальню, и тут меня встречает рейб Ирдэны – престарелая дама лет пятидесяти с номером «G5–37» на виске, выполненным ярко-розовой краской. Волосы в высокой прическе и татуировка, пересекающая правую бровь у нее такого же цвета.

– Прошу прощения, молодой господин, но госпожа Ирдэна не готова принять вас.

– Брось, Алика, я ее брат, мне плевать на это.

– Но... – Алика безуспешно пытается прикрыть собой двери.

Я легко отстраняю ее и захожу в спальню. Комната выполнена в нежно-розовых и лиловых тонах. Свет здесь такой же уютный, как и в предыдущих комнатах. Большая кровать под балдахином скрыта за тонкой ширмой с павлинами. Вся комната заставлена туалетными столиками, на которых располагается неимоверное количество шкатулок и сундуков, украшений, лаков для ногтей всех цветов спектра, теней, блесков и прочей косметики.

Ирдэна сидит за одним из столиков, перед ней установлено огромное трюмо. Я понимаю, что она действительно не готова видеть меня. Из одежды на ней только легкий белый халат, волосы спрятаны в тюрбане из полотенца. Она сидит спиной ко мне, но я прекрасно вижу ее лицо, отраженное зеркалами и покрытое толстым слоем какой-то жижи. Ее карие миндалевидные глаза недовольно смотрят на меня.

– Что тебе нужно? – с нажимом спрашивает она.

– Завтра мы с тобой, Фрэдди и Триш идем на выступление верховых гимнасток.

– Вот как? – она поджимает губы и переводит взгляд на себя в зеркале, – только я не еду.

С этими словами Ирдэна принимается за свое лицо и медленно размазывает по нему жижу. Меня бесит эта ее невозмутимость, но я никак не показываю этого. Беру с ближайшего столика пудреницу и верчу ее в руках.

– Жаль, конечно, – говорю я спокойным голосом, – что в воскресенье ты останешься дома.

– Что? – странно, что она еще не поняла, что я замыслил.

– Раз уж завтра мы никуда не идем, то и в воскресенье тоже.

Я попал прямо в яблочко. Теперь ей не отвертеться. Без меня она не сможет пойти на закрытие весенней серии балов.

– Но мы же договорились, – я слышу волнение в ее голосе, – ты не можешь так поступить.

– Еще как могу, – я подбрасываю пудреницу в воздух и ловлю ее.

Ирдэна понимает, что я не шучу, ее лицо искажается яростью.

– Убирайся!

Я не спешу уходить. Неожиданно для меня она вскакивает с места, от гнева ее просто трясет. Она хватает со стола какую-то баночку и запускает ей в меня, я едва успеваю увернуться и выбежать из комнаты прежде, чем еще один снаряд достигает меня. За закрытой дверью слышится звон разбивающихся бутыльков.

Чуть ли не бегом я возвращаюсь к себе. Вот уж чего я никак не ожидал, так это подобного разгрома. Неужели Ирдэна сможет отказаться от своего воскресного появления? Она ведь наверняка не одну неделю к нему готовилась.

В столовой меня встречает Фредди.

– Ну, как, идем завтра?

В кармане у меня вибрирует пусковик, я достаю его и щелкаю кнопкой. В воздухе появляется сообщение от Ирдэны: «Во сколько завтра выезжаем?» Я не пытаюсь скрыть своего ликования от Фредди, и он, видя улыбку на моем лице, облегченно вздыхает:

– Я уж было подумал, что она и вправду отказалась.

– К счастью для тебя она еще месяц назад упросила меня сводить ее на бал в воскресенье.

– Да, повезло мне, старик, – Фредди улыбается и протягивает мне руку для пожатия, – я в долгу у тебя.

– Да, ладно, Фред, мы же друзья.

Нам пора прощаться, потому что сегодня пятница и каждому из нас нужно еще уладить кое-какие дела на работе перед выходными.

Еще довольно рано. Всего 8 утра. А я уже еду в своем полуспортивном автолете вместе с Фредди, Ирдэной и Триш. Ехать нам довольно далеко, верховые гимнастки располагаются в пятом округе, а наш небоскреб находится во втором. Триш и Фредди живут в третьем, но им все равно пришлось встать пораньше, чтобы приехать ко мне, еще вчера мы с Фредди договорились, что полетим на моей красавице. Для меня истинное удовольствие управлять этой небольшой, но мощной машиной, выполненной в стиле ретро с умеренным добавлением современных гаджетов. У Фредди тоже есть свой автолет, но водит он его крайне редко, предпочитает вести в это время дела через сеть или переписываться миленькими сообщениями с девчонками. Я часто думаю о том, что ему и Триш повезло больше относительно расположения их домов, чем мне и Ирдэне. Безусловно, жить во втором округе, в непосредственной близости от первого, полностью занятого нашим правительством и президентом, гораздо более престижно, но из-за этого нам почти всегда приходится выезжать заранее. Второй округ это вам не спальня четвертый. В нем живут совсем не многие, здесь в основном банки, мульти-медиа и прочие компании, тогда как в третьем располагается вся основная тусовка – галереи, магазины, рестораны и прочие публичные места.

В зеркало заднего вида я могу прекрасно видеть Триш и Фредди, оба еще совсем сонные, но при полном параде. На Фредди модный бирюзовый пиджак, белая рубашка и разноцветный галстук, Триш выбрала сегодня платье нежного оранжевого цвета, который принято назвать «апрельский рассвет». Платье туго обтягивает ее фигуру, лишая окружающих возможности пофантазировать относительно размеров ее округлого тела. Ее темно-русые волосы, взбитые в пышный пучок и украшенные немислимой заколкой, полностью открывают лицо, позволяя увидеть приятные пухлые щеки, румяные губы и живые зеленые глаза. Вроде бы неплохой набор, но меня это совершенно не привлекает. Возможно все дело в ее вздернутом носе, а возможно в том, что в ней нет никакого очарования. Стоит ей открыть рот и все идет на смарку – и прическа и платье, и макияж. Она уже никого не интересуется. Мне, наверное, никогда не понять, что такого прекрасного в ней находит Фредди.

Справа от меня сидит Ирдэна. Настоящий образец элегантности. Впрочем, как и всегда. В чувстве стиля ей не откажешь. Овал лица обрамляет сложная прическа, аккуратно свитая из черных как смоль волос, глаза подчеркнуты легкими тенями перламутрового оттенка, кожа без единого изъяна, платье лишь чуть-чуть открывает плечи, талия подчеркнута легкой драпировкой, цвет этой воздушной ткани ей явно к лицу – бело-голубой. Что касается меня, то я одет в самый незатейливый костюм, по сравнению с моей пестрой компанией – мой любимый черный Армани. Классика – моя слабость.

Дорога кажется бесконечной из-за того, что на сиденье рядом со мной сидит Ирдэна, а не Фредди. Все из-за Триш. Ирдэна ее терпеть не может, так что пришлось сжалиться над бедняжкой и посадить рядом с собой. Ехать на заднем сиденье рядом с Фредди она естественно не может из-за очередного правила нашего этикета. Триш он как будто и не касается.

К спортивному центру мы подъезжаем за 20 минут, до начала шоу. Центр занимает довольно большую территорию, это просторный комплекс из спортивных залов, спальных мест и отдельного здания для показательных выступлений.

На улице начинает капать мелкий дождь, и мы спешим войти внутрь. Рядом с нами семят состоятельные джентльмены и леди средних лет. Даже среди них Ирдэна умудряется встретить нескольких своих знакомых и останавливается для того, чтобы обменяться при-

ветствиями и представить нас. Наконец, нам удается миновать холл и еще какое-то помещение, вдоль стен которого тянутся одинаковые отгороженные решеткой сектора с табличками, на которых значится номер рейба и кличка лошади. Идти нам приходится очень медленно и степенно из-за того, что наши дамы обуты в туфли на каблуках огромной высоты.

Наконец, мы достигаем наши места и садимся в следующем порядке, дабы соблюсти все приличия, – Триш, Ирдэна, я и Фредди. Я предвкушаю два часа тревожного сна, не думаю, что это действие способно увлечь меня.

Свет в зале гаснет, и широкая арена озаряется яркими софитами. Из оркестровой ямы звучит задорная музыка и представление начинается. На площадке появляется с десятков маленьких девочек на лошадях самых различных мастей и пород, они описывают какие-то фигуры, и время от времени кто-то из них спрыгивает с лошади, чтобы перекувыркнуться в воздухе и вновь оказаться на своем скакуне. Женщины вокруг меня хлопают при каждом таком кульбите, я же, не зная, что делать от скуки начинаю рассматривать ближайших своих соседей. Незаметно для меня заканчивается выступление младших групп и музыка прерывается. Это привлекает мое внимание к арене. Свет полностью гаснет, и я оказываюсь в крошечной тьме. Вокруг меня слышится тихий шепот, который тут же обрывается, при появлении первых звуков. Тонкая трель флейты пронизывает меня насквозь, постепенно к ее звучанию прибавляются все новые и новые инструменты. На поле выбегают несколько гимнасток без лошадей, они начинают танцевать какой-то затейливый танец, украшая его выбросом лент и мячей, все они одеты в одинаковые алые костюмы, которые полыхают как языки пламени в ярком свете. Музыка нарастает и приближается к своей кульминации, и вот под оглушающий грохот барабанов появляются две всадницы. Одна из них с головы до ног закутана в черную, струящуюся на ветру ткань, она делает сальто в воздухе и при приземлении расставляет руки в стороны, превращая свой костюм в огромные черные крылья, ее вороной жеребец движется легко и непринужденно, кажется, что его передние копыта едва касаются песка. Вторая всадница, одетая в золотистое одеяние, проезжает мимо нее стоя на руках на спине у своего гнедого скакуна, она выполняет какие-то невероятные упражнения с такой легкостью и грацией, что мне начинает казаться, что она научилась летать. Кроме действия на арене перестает существовать все остальное. Только я и эти две гимнастки со своими лошадьми.

Номер заканчивается также неожиданно, как и начался. Музыка затихает, и всадницы исчезают в мягкой тьме. Зал взрывается аплодисментами, я встаю и хлопаю наравне со всеми, думаю, что сегодня здесь не осталось равнодушных. Сквозь этот шум до меня доносится восторженный голос Фредди:

– Это просто невероятно! Просто невероятно!

Я мысленно соглашаюсь с ним и нетерпеливо смотрю на арену, желая еще раз увидеть гимнасток, когда они выйдут на поклон. Гимнастки так и не появляются, и мы вместе с толпой выходим из зала. Здесь нас ожидает небольшой сюрприз. Все те отсеки, что пустовали во время нашего прихода, заняты гимнастками и их лошадьми. Ирдэна и Триш отлучаются в дамскую комнату, и я как никогда рад этому. Мне хочется задержаться подольше среди этих очаровательных рейбов. Фредди солидарен со мной, он нетерпеливо ускоряет шаг, и я теряю его в толпе. Сам я нарочно не спешу. Не знаю, почему, но мне не хочется, чтобы она меня заметила. Странно. Обычно мне наплевать на то, что обо мне подумают рейбы.

Я вижу ее издалека. Всадница в золотистом. Ее длинные голубые волосы лишь чуть-чуть собраны сзади, при малейшем дуновении ветра они разлетаются в разные стороны. Она нежно обнимает шею своей лошади. Я мог бы подойти прямо к ней и прочитать кличку ее лошади и ее собственный номер, но мне совсем этого не хочется. Пусть лучше она не знает о том, что я за ней наблюдаю.

Рядом с клетушкой я замечаю какой-то автомат. Пожилой джентльмен подходит к нему и бросает туда монетку. Моя всадница оживает и легко вспрыгивает на спину лошади, там она

встает на руки и переворачивается в воздухе, приземляясь на ноги. Джентльмен аплодирует ей, а она возвращается в свое исходное положение – в обнимку с лошадью.

Я замечаю Фредди. Он стоит напротив нее, но его внимание занято совсем другой гимнасткой. Той, что была в черном. Одну за другой он бросает монетки в автомат, и гимнастка снова и снова выполняет один и тот же трюк – отталкивается от небольшой платформы за спиной своей лошади, делает кувырок и при приземлении расправляет свои «крылья». Она похожа на огромную черную птицу, неудивительно, что Фредди смотрит на нее таким замороженным взглядом. Меня правда больше привлекает моя всадница с голубыми волосами. Она улыбается проходящим мимо нее старикам. Мне хочется, чтобы она улыбнулась и мне.

Триш и Ирдэна возвращаются из уборной. Триш, смеясь над какой-то шуткой, подхватывает Фредди под руку и вместе они устремляются к выходу.

Я предлагаю Ирдэне свою руку, она что-то говорит мне, но я пропускаю все мимо ушей, потому что мы проходим как раз мимо моей гимнастки. В последний момент я решаю отвести от нее взгляд, чтобы случайно не встретится с ней глазами. В любом случае, ее я больше не увижу. Мы редко посещаем одни и те же развлечения дважды. К тому же, завтра утром я и не вспомню о ее существовании.

Бона II

Открываю глаза. Вокруг меня царит мягкая полутьма. На стене напротив горят часы. 05:55. Еще пять минут до подъема. Кажется, кроме меня еще никто не проснулся. В нашем дортуаре шесть человек. Когда я была меньше мы жили в другом, там нас было пятнадцать.

Койки стоят в два стройных ряда. Моя – во втором, если считать от входа, крайняя слева. С трех сторон наши кровати отгорожены друг от друга невысокими стенками, лежа на такой кровати, ты не можешь увидеть своих соседей, так что кажется, что ты здесь один. Для нас это очень ценное чувство, так как остаться одному практически нереально.

06:00. Звучит утренняя сирена. Все вскакивают с кроватей и натягивают униформу – легкие сапоги, трико и футболки. За пятнадцать минут мы должны успеть одеться и заправить постели. В 6:20 мы уже стоим во внутреннем дворе. Некоторые девочки зевают и потягиваются. Я встаю рядом с Изуми – моей подругой и партнершей по некоторым номерам. Изуми почти на голову ниже меня, на руках она ходит также ловко, как и на ногах, при этом она может удерживать огромный вес на ногах, поэтому в наших постановках она обычно выполняет роль нижнего гимнаста. У нее восточный разрез глаз, поэтому кажется, что глаза ее постоянно смеются, впрочем как и ее рот. Длинные алые волосы собраны в аккуратный хвост, позже она заплетет их в косу. Татуировка у нее на левой стороне – красный символ, отдаленно напоминающий какой-то иероглиф, одна из полос пересекает бровь, удачно гармонируя с ее рубиновым цветом глаз.

Изуми смотрит на меня и не может сдержать улыбку. Я вопросительно поднимаю брови, но она только отрицательно качает головой и кивает в сторону дверей, ведущих в главный корпус. Оттуда уже вышла Сантана, наша надсмотрщица, а значит нам нельзя произносить ни слова, чтобы не нарваться на наказание.

Сантана, крупная дама тридцати-сорока лет с желтыми волосами, собранными в тугий пучок, проводит переключку. Из старших групп все уже здесь, а вот кто-то из малышей опаздывает. Я неодобрительно смотрю на младших девчонок. Неужели так сложно проследить, чтобы твои соседи вовремя пришли на утренний сбор?

Появляются три опоздавшие девочки. На них все еще ночные сорочки. Они трясутся от страха перед предстоящим наказанием. Я замечаю слезы на глазах одной из них.

Сантана не взяла с собой плетку и поэтому она ограничивается простой пощечиной. Небольшой синяк может и будет, но это они еще легко отделались.

Закончив с поркой, Сантана начинает утреннюю разминку. Разминка длится не более сорока пяти минут, после нее мы можем принять душ и привести себя в порядок. Мы с Изуми спешим обратно в дортуар, никто не хочет стоять длинную очередь в душевую. Вода в душе подается по времени – несколько минут теплая, а потом ледяная. Раз в месяц нам дают талон на купание в ванне. Его не обязательно использовать в том же месяце, но и копить их тоже не имеет смысла, использовать можно не более трех талонов в месяц. Талоны нам выдают еще на питьевую воду в бутылках и сладости. Внутри спортивного центра существует целая подпольная система обмена талонов. Иногда на их можно выменять действительно стоящую вещь.

7:30. Мы занимаем свои места в столовой. На завтрак нам подают белый рис и компот. Сразу же после завтрака начинаются занятия. У младших они в основном групповые, мы же больше занимаемся индивидуально.

Вот и сегодня я иду на свою первую тренировку одна. До начала у меня есть полчаса, чтобы подготовить лошадь. Моя основная лошадь – Бурелом двенадцатилетний гнедой мерин с белой проточиной на морде. У него довольно крупное телосложение и мягкий удобный ход. За годы генетических экспериментов спортивные породы лошадей довелось улучшить

на столько, что теперь они могут запоминать схемы езды и двигаться практически без управления всадников.

Бурелом смотрит на меня равнодушным взглядом. Без сахара и морковки я мало интересую его. Вчера вечером он как следует повалялся в песке, так что работы у меня достаточно.

Наше занятие проходит в небольшом зале с высоким потолком. По всему периметру располагаются мягкие маты, ограничивая небольшую дорожку, по которой бежит лошадь. Тренер стоит в центре этого круга. Под ее руководством я отрабатываю новые элементы.

Занимаемся мы не только верхом. У нас есть много разных тренажеров, направленных на развитие силы и ловкости. Иногда мы занимаемся акробатикой и воздушной гимнастикой. У нас даже есть теоретические курсы по разным направлениям – этикет, история, точные науки, музыка. Мы с Изуми ходим на историю и этикет.

13.00. Большой перерыв до 15.00. Мы неспешно обедаем и идем в просторный спортзал. Никогда не помешает отработать парные элементы. К нашему большому сожалению, в зале уже разминаются Шила и Эрика. Шила – моя главная соперница. Ее черные волосы, цвета вороного крыла, всегда собраны в высокий хищный хвост. Еще больше агрессии ей добавляет ее татуировка. Тот, кто ее делал, явно хотел сделать так, чтобы она оставляла неизгладимое впечатление. Это два черных крыла, вокруг ее ярких золотистых глаз. Мне она всегда напоминала супергероя из комиксов.

Шила бросает на меня взгляд, полный злости, вчера ее Бесноватый проиграл моему Бурелому в соревнованиях на мощность прыжка

– Поздравляю с вчерашним успехом, – на ее лице появляется ядовитая ухмылка, – только не надейся на подобный успех в будущем.

– Хорошо, не буду, – отвечаю я ей ровным голосом, – только и ты особо ни на что не рассчитывай.

Шила хочет бросить мне еще какую-то едкую фразу, но Изуми опережает ее:

– Хватит, отношения будете выяснять на арене. Идем, Бона, – она хватает меня за руку и тащит к выходу из зала.

Мы с Шилой обмениваемся презрительными взглядами, и я выхожу из зала.

– Вот стерва, – говорю я Изуми.

– Согласна. Но и ты тоже хороша. Нам всем хватило бы там места, если бы ты могла хоть иногда промолчать.

Я не знаю, что сказать в свое оправдание. Изуми редко строится на меня, да она и права. Из-за меня нам теперь негде тренироваться.

Рейбский браслет у меня на руке начинает мигать неярким синим светом. На нем появляется короткое сообщение – «S73–13, к директору».

Я захожу в просторный кабинет директора. Вдоль стен здесь стоят стеллажи с бесчисленным количеством папок и книг. Кроме них в комнате есть еще широкий письменный стол, два кресла и небольшой диванчик с кофейным столиком.

Госпожа Коробейникова сидит в своем кресле за столом и пьет чай. Это широкая женщина с суровым лицом. Она рождена свободным гражданином, так что у нее нет ни номера, ни каких-то других татуировок.

– Вивиана сказала, что у тебя есть несколько идей для нового номера, верно Бона? – ее голос не выдает никаких эмоций – ни недовольства, ни одобрения.

– Это так, госпожа Олимпиада.

– Как ты думаешь, вы сможете его поставить?

– Не знаю, пока это лишь небольшие отдельные идеи. Я не думала о полноценном выступлении.

– Ясно. Я планирую дать тебе разрешение на постановку.

– Это правда? Вы не шутите? – сердце у меня в груди бешено колотится, собственный номер – предел моих мечтаний.

– Конечно правда, – Олимпиада улыбается мне, вся ее строгость тут же пропадает, – ты, ведь знаешь, я всегда видела в тебе прекрасного тренера. Некоторые преподаватели осуждают тебя за излишнее проявление самодеятельности, но я всегда считала, что глупо полагать, будто хоть немного одаренный рейб может нанести вред нашему государству.

– Госпожа Олимпиада, могу я задать вам один вопрос? – получив ободряющий кивок, я смело продолжаю, – почему вы хотите дать этот шанс именно мне?

Директор тяжело вздыхает и отвечает мне далеко не сразу.

– К сожалению, я не могу помочь всем своим талантливым девочкам. Каждый год мне приходится бороться за то, чтобы оставить вас у себя, а не передавать первому и второму филиалам. Ты не хуже меня знаешь, что у нас проблемы с финансированием. Мне становится все труднее покупать новый материал. Хорошо еще, что тебя никто брать не хотел.

– Из-за подозрения на инакомыслие?

– Да, именно из-за этого. Никто не хочет проблем в работе. Проще использовать более податливый материал. Я же считаю, что это не дает никакого развития спорту. Поэтому я беру таких проблемных девочек как ты или Шила. Я уверена, что из тебя выйдет лучший тренер, чем из остальных. Ты стремишься использовать новые редкие элементы, у тебя будут получаться прекрасные номера. Но для этого нужно очень много работать, ты понимаешь это?

– Конечно, госпожа Олимпиада. Я готова трудиться так усердно, как только нужно. Вы ведь знаете, наш спорт для меня это смысл моей жизни. Без него я ничто.

– Я рада, что ты это осознаешь. И не забывай о том, что если тебе все-таки удастся стать настоящим тренером, то тебе позволят самой воспитывать своих детей.

– Я помню об этом, госпожа директор.

– Прекрасно. Можешь идти. Разрешение на работу с девочками я тебе пока дать не могу, но можешь начинать вынашивать планы на настоящий номер, думаю, что в конце следующего года мы сможем порадовать зрителей именно твоей постановкой.

Я встаю со своего места и кланяюсь госпоже.

Выходя из кабинета, я начинаю обдумывать ее слова. Тренерская работа – лучше этого ничего и представить нельзя. А то, что касается детей вызывает у меня смешанные чувства. Дело в том, что рейбам нельзя воспитывать своих детей, они обязаны отдавать их государству, когда тем исполняется три месяца. Большинство рейбов выросло без родителей, мы не имеем ни малейшего понятия о том, кто они и что из себя представляют. Я не чувствую себя ущербным человеком. Рейбство существует так давно, что семья потеряла для нас какую-либо ценность. Очень редкие рейбы живут в семьях. Это либо дети тех, кто выделился какими-то особыми заслугами, либо рейбы, купленные хозяевами их родителей. Таких единицы. Я думаю о собственных детях. Сомневаюсь, что смогу их воспитывать как следует, у меня ведь никогда не было семьи.

Вечерний поезд несет меня в сторону четвертого округа. Вообще-то нас не принято отпускать из спортивного центра, но мне выписали разрешение за заслуги перед школой и примерную учебу. С недавних пор я предпочитаю проводить выходные у своих друзей-рейбов из четвертого округа. Все они государственные рейбы, работающие на ближайших заводах. Я останавливаюсь у Фабиана, моего парня.

Поезд прибывает к нужной мне станции. Я выхожу и с удовольствием вдыхаю сыроватый вечерний воздух. Мне не терпится оказаться рядом с Фабом, поэтому я решаю сократить дорогу через небольшой полу жилой район. Я довольно часто так делаю, Фабиан всегда ругает меня за это. На этих глухих неосвещенных улицах можно встретить кого угодно.

Я привычным шагом иду по этим узким улочкам. За моей спиной раздаются чьи-то шаги. Не оборачиваясь, я пытаюсь ускорить шаг и чувствую легкое покалывание в руке. Надеюсь, мне

это показалось. Я вскрикиваю от неожиданности. Небольшой разряд электрического тока проходит через мой браслет. Все мои опасения становятся реальностью. Я останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к преследователю. Мне уже ясно, что у него есть регистратор, так что сбежать не удастся. Напротив меня стоит какой-то огромный парень. Он подходит чуть ближе и я узнаю его. Это Редж. Государственный рейб с номером E26–90. Охотник за головами. Такие как он крадут государственных рейбов, перебивают им знаки и продают на черном рынке.

– Так-так... Будет с кем развлечься, – Редж одаривает меня отвратительной улыбкой.

Я хочу закричать, но от ужаса у меня пропадает голос. Редж хватает меня за руку и тащит в ближайший закоулок. Мне удается вырвать свою руку из его лап, но он ударяет меня по щеке и отталкивает к стене. Мне не спастись.

Терен II

Иногда я плюю на все свои обязанности и приличия и уезжаю покататься. Хотя, нет, это сказано слишком громко. На самом деле я не могу наплевать ни на то, ни на другое, но иногда мне все же удается выкроить достаточно времени для того, чтобы совершить подобную прогулку.

Вот и сейчас я наслаждаюсь возможностью управлять своим автолетом. Машина плавно рассекает теплый летний воздух, не издавая при этом ни звука. На небе нет ни облачка и поэтому все, абсолютно все, начиная от панели управления и заканчивая самыми укромными уголками заднего сидения, залито приятным солнечным светом. Мой маршрут никогда не меняется. Укромными дорогами я доезжаю до четвертого округа и включаю невидимый режим. Четвертый округ один из самых больших. Это огромный спальный район, в котором живут люди совершенно разного достатка. Из-за массивности этого округа он был неофициально разделен на три области – 4а, 4б и 4с. Я еду в 4с. Он находится на границе с пятым округом, там живут государственные рейбы, работающие на соседних заводах и обслуживающие магазинчики и парикмахерские четвертого округа. Я заезжаю в самые трущобы. Улицы здесь обычно пустынные. По обеим сторонам тянутся одинаковые унылые домишки с пыльными окнами. Я стараюсь как можно быстрее миновать эти постройки, я живу во втором округе, и дела четвертого меня совсем не касаются.

Наконец, я достигаю цели своего путешествия – огромный пустырь, окруженный плотной цепью каких-то старых деревьев. Совершенно безлюдное место, идеально подходящее для моего развлечения. Дело в том, что я ужасно люблю гонять «по-старинке», то есть на колесах. Настоящих колес, которые катятся по земле, а не парят над ней. Вот зачем я купил себе эту ретро модель. Когда я узнал, что у нее есть эта чудесная функция, то понял, что пропал навсегда. Это лучшая модель на свете. Продавец, правда, думал, что это совершенно бесполезный каприз, но он жестоко ошибался. Лучше этого ничего нет.

Я включаю погромче музыку и перевожу свою красавицу в заветный режим. Слышится мягкий шорох колес, в зеркало заднего вида отлично видно столб пыли, поднимающийся за мной. Я делаю несколько рискованных маневров, управление просто идеально.

Накатавшись вдоволь, я припарковываюсь в тени одного из деревьев. Вечереет, воздух наполнен свежестью, и мне хочется заняться чем-то новым. Я решаю прогуляться поблизости от домов рейбов. Довольно рискованная затея, но мне нечего опасаться. Я член великого семейства Громбольдтов, так что у меня есть регистратор. Небольшой прибор, на расстоянии считывающий информацию с браслетов рейбов – пол, возраст, номер, владельца. Эта штука позволяет мне управлять потоками тока, проходящего через их браслеты, так что никто из рейбов не решится напасть на меня.

Я дохожу до самой кромки роци и останавливаюсь в ее тени. Первый раз я иду по территории рейбов. Мне немного жутковато. Какие тайны могут скрывать эти пыльные улицы? Любопытство и скука берут свое, и я направляюсь прямо к ближайшей группке домов. Они выглядят какими-то заброшенными. Мне даже жаль, что здесь никого нет. Я прохожу дальше сквозь лабиринт узких улиц. Неожиданно до меня долетают звуки чьей-то негромкой борьбы. Я не спешу заглянуть в ближайший темный переулок и напряженно прислушиваюсь. Слышится приглушенный женский вскрик, этого я выдержать не могу. Достая регистратор и вбегаю в переулок.

– Отвали от меня! – какая-то девушка пытается вырвать свою руку из лап огромного парня.

Парень выпускает ее руку и тут же наотмашь бьет ее по щеке, а потом с силой отталкивает от себя. Девушка ударяется о стену и подносит правую руку к лицу.

– Оставь ее, – мой спокойный голос заставляет вздрогнуть их обоих.

– Чего?! – орет громила.

– Вали отсюда.

– Да ты знаешь, с кем разговариваешь, щенок?! – парень вне себя от злости, он разворачивает ко мне свои огромные плечи, но мои слова заставляют его остановиться.

– Знаю, Е26–90. Ты бы убрался отсюда поскорее.

– Пугнуть меня решил? – он не сбавляет оборотов, но подходить ко мне не решается, – щас я тебя тоже пробью по своему аппарату.

Он щелкает регистратором, но ничего конечно же не происходит. Я не рейб, у меня нет регистрационного номера. Для верности он щелкает еще раз. И тут до него доходит. Меня тянет рассмеяться от того, как меняется его лицо, но я заставляю себя сохранить непроницаемое спокойствие. Громила раболопно кланяется мне и начинает нервно лепетать:

– Простите господин, я не знал, я не понял, что она ваша, я думал так, ошивается здесь, я... – он сбивается, и капельки пота появляются на его широком лбе.

– Вали уже куда-нибудь подальше. И чтобы больше тебя здесь не было.

– Да, да, конечно, еще раз простите, – с невероятной для такой махины скоростью, он скрывается в темноте переулка.

Я остаюсь один на один с девушкой. Все это время она стояла не шелохнувшись. Ей наверняка чертовски страшно, но она никак не показывает этого. Просто смотрит на меня в упор своими лиловыми глазами и безмолвно ожидает того момента, когда я решу ее судьбу. Я сразу узнал ее. Это та самая гимнастка с голубыми волосами. Регистрационный номер S73–13. Сейчас она полностью в моей власти. В отличие от громилы, она сразу поняла, что я не рейб. У меня в руках регистратор, а значит бежать от меня бесполезно. Одно нажатие кнопки и она получит разряд тока. Громила испугался меня, значит я не охотник за головами из их шайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.